
В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

МАРКСИЗМ О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС – БЕЗ ПРИКРАС

В марксистских воззрениях на народные массы особое значение имеет положение, которое исключительно высоко ставил В. И. Ленин, не случайно уже в декабре 1917 г. писавший в знаменитом наброске «Из дневника публициста (Темы для разработки)»: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству: “Mit dem Umfang der geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist”»¹.

Чтобы показать, как чаще всего трактовалось это положение, процитирую Т. И. Ойзермана: «Младогегельянцы сетовали по поводу “неудачи” социальных движений предшествующей истории, считая главной причиной “неудачи” участие в них народных масс. Маркс и Энгельс, напротив, разъясняют, что “деятельность *действительного* человечества есть не что иное, как деятельность *массы* человеческих индивидуумов”. И если широкие народные массы до сих пор недостаточно участвовали в общественно-политических движениях, значит, эти движения, во всяком случае, непосредственно, выражали чуждые им общественные интересы и потребности. Развитие материального производства с необходимостью выдвигает массы на авансцену истории; массы начинают осознавать, что их интересы противоположны интересам господствующего меньшинства; они все более сознательно, решительно включаются в общественно-исторический процесс. Это обобщение исторического опыта Маркс и Энгельс формулируют следующим образом: “Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является”². Зна-

¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 189.

² Марк, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 2. – С. 90. (Это положение я буду для краткости впредь называть *формулой*. – В. Б.)

чит, народные массы – главная движущая сила общественного прогресса, ускорение которого связано с возрастанием роли народных масс в развитии общества. Этот теоретический вывод – научное открытие одной из объективных закономерностей всемирной истории³. Возникает немало вопросов. Например, о ком и о чем идет речь в «Святом семействе»? Какова зона исторического действия формулы Маркса и Энгельса?

По мнению Т. И. Ойзермана, Маркс и Энгельс имели в виду народные массы; развитие материального производства обуславливает возрастание их роли, что является объективной закономерностью всемирной истории. Автор не видит различия между *объемом массы, вершащей историческое действие, и объемом массы, делом которой это действие является*, то есть между массой действующей и массой активно действующей. Далее, формула ставит вопрос о связи основательности исторического действия с объемом массы *в будущем*, а Т. И. Ойзерман придает этой связи *общесоциологический характер*. Насколько это оправданно?

Широко распространены выражения: *народ* – «решающая сила истории», «творец истории», «движущая сила развития общества», «субъект истории». Но что такое народ? «...По традиции, – пишут современные леворадикальные теоретики М. Хардт и А. Негри, – под народом понимается нечто цельное. Конечно, население имеет всякого рода различия, но понятие *народ* сводит их на нет, благодаря чему население наделяется определенной идентичностью: народ един...»⁴ С марксистской точки зрения это неверно. Народ далеко не всегда един. «Употребляя слово “народ”, – писал Ленин, – Маркс не затушевывал этим словом различия классов...»⁵ Эти различия двояки: между классами в составе народа (например, между рабочим классом и крестьянством) и между классами в составе народа и реакционными классами, не входящими в состав народа. Структура народа и степень его единства отнюдь не константны, особенно в обществе, которому присущи антагонистические противоречия. Я солидарен с мнением, что *народ* – *социальная общ-*

³ Ойзерман, Т. И. Формирование философии марксизма. – М., 1974. – С. 371–372.

⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. – М., 2006. – С. 4.

⁵ Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 11. – С. 124.

ность, включающая в себя классы и социальные слои, способные участвовать в общественном прогрессе. Безосновательны многочисленные попытки отождествления народа и толпы: в отличие от толпы народ созидателен, он производит. Не менее безосновательно сознательно осуществляемое некоторыми обществоведами смешение понятий *народ, население, нация, государство*. Идеологические цели таких трактовок не оставляют сомнения.

Что касается понятия *массы*, то оно употребляется в разном смысле. Хардт и Негри утверждают: «*Массы...* определяются как противоположность народа, поскольку... их нельзя свести к единству или всего одной идентичности. Нет сомнения, что массы включают в себя разные виды и роды, но в действительности нельзя сказать, что массы состоят из разных социальных субъектов. Сущность массы в неразличимости: все черты своеобразия погружены в массу и скрыты ее толщею. Массы способны двигаться в унисон лишь потому, что составляют расплывчатый, единообразный конгломерат...»⁶

Использование понятия *масса* предполагает выяснение, о какой массе (о каких массах) идет речь, кто в нее входит, каково ее субъективное состояние и т. д. В марксизме наиболее типичные словосочетания с термином «масса»: масса трудящихся, трудящиеся массы, широкие массы, народные массы, масса рабочих и т. п. Несомненно, что трудящиеся массы образуют ядро всякого народа; нельзя, однако, согласиться с Б. Ф. Поршневым, который считал, что «вопрос о роли трудящихся масс и вопрос о роли буржуазии в историческом развитии надо рассматривать каждый в отдельности, а не смешивать их. Соединение этих вопросов в один... только служит помехой для изучения каждого из них. Под народными массами мы будем понимать трудящиеся массы, то есть в основном непосредственных производителей материальных благ»⁷. Такой подход схематизирует действительность, затрудняет конкретизацию рассматриваемых проблем. И в самом деле, работы марксистов о роли народных масс в истории переполнены славословием, но часто абстрактны или односторонни. Между тем трудящиеся классы до социалистической революции всегда жили в единстве с не-

⁶ Хардт, М., Негри, А. Указ. соч. – С. 4.

⁷ Поршнев, Б. Ф. Феодализм и народные массы. – М., 1964. – С. 208.

трудящимися классами, и *разные* отношения между теми и другими являлись важнейшим фактором исторического процесса. Это относится не только к разным фазам взаимодействия буржуазии и рабочего класса. Слишком мало внимания уделяют марксисты таким переломным событиям истории, как гибель древних цивилизаций. Но Энгельс не зря писал: «Общественные классы IX века сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации. Новое поколение – как господа, так и слуги – в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития...»⁸

Конкретный подход к народу требует прежде всего рассматривать его в развитии. Во всех трех эксплуататорских формациях состав и состояние народа на старте и на финише резко различались. Уже поэтому не выдерживает критики идея революции рабов, поддержанная Б. Ф. Поршневым. Такая революция была просто невозможна. Маркс подчеркивал, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри «привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов»⁹. По словам Энгельса, «...уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает»¹⁰. В конце своей истории Рим лишился движущих сил, превратился в тупиковое, гибнущее общество. Попытки доказать, будто революционная смена рабства феодализмом («феодалная революция»?) длилась несколько столетий и была результатом ряда процессов, основаны на подмене событийного характера социальной революции описаниями перехода от одной формации к другой, причем оставляют в тени то обстоятельство, что основным источником феодализма в Европе стал многовековой синтез римских производительных сил и родового строя германцев (классический пример конвергенции двух общественно-экономических систем).

⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 20. – С. 154.

⁹ Там же. – С. 375.

¹⁰ Там же. – С. 155.

Произведенный Энгельсом анализ гибели Римской империи¹¹ примечателен тем, что он показывает общество, лишенное способности к саморазвитию и движущих сил социального прогресса. Марксизму чуждо абстрактно-схематическое представление об историческом процессе и его движущих силах. Показательно, что Ленин не исключал возможности революции против социалистического государства¹². Она, скорее всего, может быть вызвана субъективными извращениями. Типичный пример – революция в Румынии, которая смела режим Чаушеску. Однако это не дает оснований считать революцией события августа 1991 г. в России¹³.

Следует обратить внимание на ряд псевдомарксистских предубеждений, теоретических штампов по рассматриваемой проблематике. Едва ли не в любом учебнике по историческому материализму утверждалось: народ – творец истории. Не считаю, что это положение ошибочно. Однако творчество вообще, творчество истории тем более бывает разным, например объективным и субъективным. Объективным творчеством является всякая положительная, полезная для общества деятельность¹⁴, в том числе и репродуктивная. Более того, объективное творчество народа, как правило, было пассивным. Не случайно Ленин, характеризуя обычную, повседневную жизнедеятельность народных масс в условиях эксплуататорского строя, писал, что масса стояла в тени, находилась в состоянии сна, вне исторического прогресса, играла пассивную роль, своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливала застой и гниение и т. д.¹⁵ Спрашивается, находясь в состоянии, очень далеком от оптимума, народные массы творили историю или нет? Да, ее творцами они, главным образом как производительная сила, были, но нет никаких оснований считать их *субъектом истории*. Это подтверждается и тем, что Ленин четко разграничивал периоды, когда народные массы являлись и не являлись таковыми. Почти 40 лет тому назад я цитировал слова Ленина, которые сейчас особенно актуальны. Весной 1906 г., разобла-

¹¹ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 20. – С. 146–150.

¹² См.: Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 30. – С. 51.

¹³ См.: Беленький, В. Х. Преобразования в России и народные массы. – Красноярск, 2001. – С. 3–5.

¹⁴ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 2. – С. 113.

¹⁵ См.: Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 9. – С. 208; Т. 39. – С. 328; Т. 45. – С. 30 и т. д.

чая кадета Бланка, он писал: «...Когда история человечества продвигается вперед со скоростью локомотива, это – “вихрь”, “поток”, “исчезновение” всех “принципов и идей”. Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это – сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно “принципы и теории”, – тогда буржуа чувствует страх и вопит, что “разум отступает на задний план” (не наоборот ли, о герои мещанства? не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на зубатовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела *за народ, от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных, – тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, “наступила очередь мысли и разума”...

...Именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А господа Бланки... убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество “систематичности” в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда... именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества»¹⁶.

В данном случае под историческим творчеством Ленин имел в виду активное творчество масс. Что же такое социальная активность? *Активность* – родовое свойство субъекта. Всякий субъект, его сознание и деятельность в принципе активны. Однако в каждый

¹⁶ Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 12. – С. 327–329.

данный момент активность любого субъекта в силу относительности его знаний ограничена, а следовательно, субъект в какой-то степени и пассивен. Эта пассивность связана и с тем, что субъект невозможен без объекта, объект же – более или менее пассивная сторона во взаимодействии с субъектом, которая тем не менее воздействует на субъект, как вызывая, так и умеряя его активность. Но особое значение соотношение активности и пассивности приобретает, когда оно рассматривается в социальной плоскости. В течение тысячелетий активность людей была ограничена совокупностью социально-экономических факторов, их деятельность искажалась, деформировалась, ибо широкие массы большей частью подвергались эксплуатации, а человек труда при этом не являлся субъектом труда. Наиболее очевидно это проявляется в буржуазном обществе, где отношение «между субъектом и объектом выворачивается наизнанку»¹⁷. Данное положение имеет особое значение для анализа жизнедеятельности групповых общностей. Истоки этого также раскрыты К. Марксом: «Так как отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности, но может преодолеть внешние отношения и подчинить их себе, то *кажется*, будто во втором случае он пользуется большей свободой. Однако ближайшее исследование этих отношений, этих условий показывает, что индивиды известного класса и т. д. не могут преодолеть эти условия en masse (в целом. – В. Б.), не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям...»¹⁸. Здесь обнажены корни того, что на протяжении длительных исторических периодов народные массы были пассивны.

Активность и пассивность предстают перед нами как полярные субъективные состояния социальных субъектов, свидетельствующие о степени развитости последних. Имеются в виду *целостные состояния*, то есть речь идет о *социальной активности*. В принципе социальная активность должна проявляться в различных сферах общественной жизни, включает в себя экономическую, политическую, культурную и иные формы активности, причем социальная

¹⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 47. – С. 127.

¹⁸ Там же. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 107.

активность массы и индивидуума (например, класса и члена класса) существенно различается, что соответствует приведенным мыслям Маркса из экономических рукописей 1857–1859 гг. Однако понимание социальной активности как целостного явления, особенно если речь идет о массовом субъекте, отнюдь не равнозначно пониманию ее как всестороннего феномена. Отдельные рабочие при капитализме нередко проявляют активность в труде, рабочий класс в целом – лишь в форс-мажорных обстоятельствах. В антагонистических обществах вспышки активности широких масс, связанные с войнами, восстаниями, революциями, носили спорадический характер. Следовательно, возможны различные модификации социальной активности. Одной из них является гражданская активность. Это понятие охватывает или совокупность актуальных в данный момент аспектов социальной активности, или политическую и правовую самодеятельность людей.

Хотя активность и пассивность – полярные субъективные состояния социальных субъектов, граница между ними подвижна. Активность социального субъекта не безгранична, а его пассивность – не бессубъектность. Субъективное состояние прежде всего предстает перед нами как состояние деятельности. Поскольку деятельность не внешне, не вынужденно, а внутренне необходима социальному субъекту, не навязана ему, а соответствует основным его побуждениям, характеризуется ярко выраженной субъективной стороной, – постольку она активна, оценивается как самодеятельность, инициативная деятельность. Если же субъективная сторона деятельности развита слабо, отношение субъекта к деятельности негативно, ее цели не соответствуют интересам и потребностям действующих, то есть деятельность вызвана внешними обстоятельствами, совершается под давлением или по принуждению, не является необходимой для субъекта, напоминающего известным образом «выдрессированную силу природы» (Маркс), – то деятельность пассивна. Таким образом, тому или иному состоянию деятельности предшествует и сопутствует определенное социально-психологическое состояние. Взаимосвязь между тем и другим – важный канал воздействия на поведение масс. Наконец, проблема имеет и компаративный срез: более интенсивная, энергичная деятельность представляется более активной, и наоборот. Это обстоя-

тельство также используется для влияния на субъективное состояние людей.

Особого внимания заслуживает малоисследованное многообразие форм субъективного состояния масс. Дело в том, что между активностью и пассивностью имеется немало промежуточных субъективных состояний, которые нередко остаются вне внимания теоретиков и политиков. Между тем данный фактор может приобретать первостепенное значение. Так, провал ныне восхваляемой столыпинской реформы прежде всего объяснялся *массовым активным и* (в значительной степени) *пассивным сопротивлением* крестьянства, которое в большинстве своем сохранило приверженность общинному хозяйствованию. Примеров пассивной формы активной деятельности и активной формы пассивной деятельности можно привести великое множество. При этом решающее значение имеет вопрос об объективной направленности активности. Часть французского крестьянства участвовала в революции, другая часть сражалась в Вандее. Не всякая пассивность – зло, не всякая активность – благо.

Ленин указывал в 1907 г.: «Можно быть главным двигателем победы другого класса, не умея отстаивать интересов своего класса. Революционная социал-демократия, не изменяя себе, не вправе ограничиться этим. Она должна помочь пролетариату из пассивной роли главного двигателя подняться до активной роли вождя...»¹⁹ Важна мысль о связи роли и активности масс. В марксистской литературе эта связь в значительной мере потеряна, что не было случайностью: по многим различным причинам связь в самой действительности отсутствовала, прерывалась, затруднялась и т. п. Тем важнее нащупать, теоретически проследить связь роли и активности масс, раскрыть ее прошлое, выявить ее механизмы, перспективы и возможности. Вместо этого многие исследователи устраивали своеобразную свалку из роли, активности масс, ускорения социального прогресса и других явлений.

Это в полной мере относится к работам такого крупного ученого, как Б. Ф. Поршнев. Я выбрал его труды потому, что они широко используются и сегодня (Ф. С. Файзуллин, В. И. Искрин). Но им присущи серьезные противоречия. Сводя народ к непосредственному производителю материальных благ, Поршнев существенно

¹⁹ Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 15. – С. 380–381.

ограничивает его роль как творца истории, ибо исключаемые им из состава народа даже в период их способности участвовать в прогрессе эксплуататорские классы были на известном этапе наиболее активной частью народа. В то же время он возражает против ограничения роли народных масс сферой производства, против того, что в классово-антагонистических обществах «роль народных масс сводилась в основном к роли непосредственных производителей материальных благ, тогда как их борьба не была ни решающей, ни вообще существенной силой исторического развития»²⁰. Не хочу сказать, что эта мысль неверна. Но она чрезмерно абстрактна. А дьявол, как известно, скрывается в деталях. От внимания Б. Ф. Поршнева ускользали или недооценивались им важные детали:

1) классово-антагонистические формации резко отличались друг от друга. Рабство вообще не могло самостоятельно превратиться в иной способ производства; феодализм приобретает такую способность, но она в классическом варианте могла быть реализована только под руководством буржуазии; лишь при капитализме складывается трудящийся класс, пролетариат, способный стать гегемоном борьбы за социализм;

2) роль народных масс от формации к формации действительно возрастала, но в основном за счет объективных факторов; возрастание степени свободы и соответственно субъективности в сфере производства происходило главным образом на индивидуальном уровне; массовая активность трудящихся носила стихийный спорадический характер; следовательно, нет оснований действие формулы Маркса и Энгельса распространять на всю историю. Японский марксист Янагида Кэндзюро справедливо, хотя и несколько шероховато, отмечал, что в первобытной общине историческим субъектом являлись все члены общины в целом; в классово-антагонистическом обществе «исторический субъект неизменно оказывался монополией привилегированных господствующих классов каждого данного общества». Борьба за социализм превращает пролетариат в субъект истории²¹;

3) между ускорением исторического процесса и возрастанием роли народных масс на самом деле существует (взаимо)связь, но не

²⁰ Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974. – С. 210.

²¹ См.: Янагида Кэндзюро. Философия истории. – М., 1969. – С. 214–215, 227. Автор употреблял понятия «исторический субъект» и «субъект истории» как аналогичные.

столько каузальная, сколько функциональная. Наивно полагать, что эта взаимосвязь проста и прямолинейна, как баллистическая траектория, которую в творческом одиночестве прокладывали трудящиеся массы. Способ ее реализации раскрыт в следующем положении: «Основы, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него; зато впоследствии также и противоположность между негосподствующим классом и классом, достигшим господства, развивается тем острее и глубже»²².

Принципиальные изменения в процессе возрастания роли народных масс происходят при капитализме, когда вследствие гигантского развития производительных сил складываются объективные предпосылки для уничтожения эксплуатации человека человеком. Впервые появляется класс, который не только стремится установить справедливый общественный строй, но и способен на это. Но капитализм, порождая собственного могильщика и условия своего самоотрицания, создает также невиданные средства самозащиты, он гигантски активен, агрессивен и изощрен по отношению к эксплуатируемым классам. Победа над таким противником и утверждение своей власти требует от рабочего класса научного подхода, сознательности и организованности, инициативности и активности. Достижение этой победы предполагает громадные усилия заинтересованных в ней масс и не может быть стихийным. Это и выражают формула из «Святого семейства» и ее многочисленные ленинские интерпретации.

На протяжении длительных периодов российской истории социальная активность широких масс питалась главным образом стремлением к свободе (борьба против иностранных завоевателей, народные восстания, стремление освоить новые территории, где нет угнетателей и притеснителей, участие в оппозиционных движениях и т. п.). Постепенно стал складываться политический характер этого стремления. Соответствующая тенденция сформировалась в конце XIX в., была связана с развитием капиталистических отношений и выразилась в возникновении и демократизации революционного движения, которое прошло: 1) дворянский; 2) разночинно-интеллигентский; 3) массовый (рабоче-крестьянский) этапы.

²² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 48.

2-й и 3-й этапы были связаны с перипетиями реформирования российского социума вообще и аграрной сферы в особенности. Перманентное углубление противоречий, невыносимые для широких масс социально-экономические и политические условия жизни за короткий исторический срок породили три революционные волны, разрушившие до основания самодержавие и помещичье-буржуазный строй и открывшие эпоху перехода к социализму.

Октябрьская революция вызвала невиданный подъем активности широчайших масс населения в России. В послеоктябрьский период произошла трансформация этой активности из разрушительной в созидательную, из ограниченной главным образом сферой классовой борьбы – во всестороннюю.

Это гигантски усилило творческое начало в жизни советского общества. Размах активности, достигнутый в 1917–1921 гг., был так велик, что, несмотря на далеко не лучшие условия, распространился на несколько десятилетий. Но с конца 20-х гг. XX в. субъективное состояние широких масс в советском обществе подвергалось противоречивому воздействию, что в конечном счете привело к отрицательным последствиям. Крайне негативно на субъективном состоянии народа сказались консервация и углубление господства государственной формы общественной собственности, бюрократизация управления и усиливавшийся формализм советской демократии, репрессивный характер режима, изъятия идеологической работы.

Особенно пагубной была недооценка роли трудовых коллективов. Будучи специфическими социальными субъектами, они представляли собой форму существования и единства основных слоев населения СССР. Их роль не была осмыслена до конца, и не случайно в последние десятилетия советской эпохи о них так много говорили и писали. Но в обсуждениях преобладал формально-нормативный подход. Трудовые коллективы так и не стали хозяйствующими субъектами. Их ошибочно трактовали как ячейки общества, что способствовало бюрократизации управления, затрудняло подход к трудовым коллективам как к социальным субъектам, вело к их смешиванию с предприятиями, искажало их соотношение с трудящимися классами. О классах много говорили, но их сознание и организация по существу вырождались. В итоге и классы,

и трудовые коллективы теряли свое политическое лицо. Движущие силы советского общества оказались в кризисном состоянии²³.

Фактическое принижение значения народных масс было связано и с ошибками в трактовке роли партии. Партия рассматривалась как субъект развития советского общества, с чем нельзя согласиться. Партия – часть, авангард рабочего класса, субъект политического руководства, но решающая роль принадлежит народу, причем эффективность его деятельности тем выше, чем он активнее. Это в советском обществе постоянно провозглашалось, но все меньше обеспечивалось. Между тем именно с этим связано преодоление противоречий, выражающихся в ситуациях порочного круга, «зигзагов» в развитии, что неоднократно подчеркивал Ленин²⁴. Неоправданная массовость партии, выполнение ею все большего числа несвойственных ей функций привели к вырождению данного института, к его бюрократизации и отчуждению от него народа, который из субъекта развития общества все больше превращался в инерционную, квиетистскую массу. Все это не могло не сказаться на соотношении массовой и индивидуальной активности людей. В советском обществе центр тяжести в развитии самодеятельности постепенно смещался с массовых форм на индивидуальные. Это было связано с рядом обстоятельств. Октябрьская революция вызвала небывалый подъем *массовой* социальной активности рабочих, крестьян, солдат, значительной части интеллигенции. Одним из факторов преобладания массовых форм активности было недостаточное развитие большинства индивидов. Но в течение нескольких десятилетий ситуация непрерывно менялась. Хотя общий уровень народной самодеятельности был высок, он недостаточно подкреплялся материально, организационно, идеологически и постепенно стал снижаться. Все больше преобразовывалась структура социальной активности. Бюрократизация общества сковывала политическую активность масс, классов; рост образования, научно-технический прогресс и изменение характера труда, урбанизация, усложнение межнациональных отношений, возвышение потребностей множества людей повышали их личную активность, но объективные условия, существовавшие в различных сферах жизни, по-прежнему недостаточно способствовали гармоничному сочетанию

²³ См.: Беленький, В. Х. Преобразования в России и народные массы. – Красноярск, 2001. – Гл. 4.

²⁴ См.: Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 39. – С. 21; Т. 42. – С. 364.

личных, коллективных и общественных интересов. Более того, учащались конфликты, столкновения этих интересов.

Все это во многом обусловило нарастание трудностей развития СССР и в конечном счете поражение советского строя и поворот страны к реставрации капитализма. Формула Маркса и Энгельса воспринималась не только прямолинейно, но и как объективное предначертание. Это совершенно не соответствует действительности. КПСС, занимаясь чем угодно, не обеспечила выполнения своей важнейшей функции: «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, *чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов* (курсив мой. – В. Б.). В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве...»²⁵

Ленин считал это положение одним из самых глубоких и в то же время самым простым и понятным. Это объясняется тем, что он рассматривал формулу как один из важнейших принципов партии нового типа, как нечто само собой разумеющееся и обязательное при решении любых масштабных задач. Но КПСС последнего периода своего существования утратила способность эффективно работать с массами. Была потеряна функциональная взаимосвязь между возрастанием роли народных масс и ускорением общественного прогресса, роль народных масс как решающего фактора функционирования и развития общества резко уменьшилась, и бесконтрольная бюрократия при полном попустительстве партийных верхов и полной беспомощности партийных низов повернула страну к капитализму.

К сожалению, многие из отмеченных в данной статье недостатков, присущих интерпретациям марксистских взглядов на роль и активность народных масс, имеют место и сегодня. Это негативно отражается на решении актуальных практически-политических проблем современной России.

²⁵ Ленин, В. И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 140.